

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-2-13-18>
УДК 947.08(571.12)
© 2024

И.С. Иванченко

Картина крестьянского быта Тобольской губернии второй половины XIX века (на материалах личного архива Матаева Н.Н.)

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск, Российская Федерация

Аннотация

Цель данного исследования – проанализировать специфику быта крестьян-старожилов Тобольской губернии на основе информации, собранной во время полевых этнографических работ в Тюменской области. На основании привлеченных нарративных источников, таких как личные дневники, воспоминания, жизнеописания и пересказ воспоминаний предков потомственного крестьянина Матаева Н.Н., были изучены брачное поведение, детско-родительские отношения, взаимодействие между членами семьи в домашнем кругу и вне его, а также проанализирован уровень детской смертности и рождаемости и выявлены культурные особенности быта нескольких поколений одной семьи. Собранные записи в виде интервью, дневников и воспоминаний относятся к концу XIX века – началу XX века, то есть к периоду активных изменений и преобразований в образе жизни крестьянской деревни в России, что определяет **актуальность** данного исследования, поскольку тщательное изучение идентичности субэтнуса сибиряков позволяет найти отличия в последствиях этих преобразований за Уралом и лучше понять историю Западной Сибири, а примененные **принцип** историзма и цивилизационный **подход** позволяют проследить этапы развития новых форм семейного уклада и преобразования крестьянского быта вследствие модернизации. Исследованные этнографические материалы позволяют более полно представить картину крестьянской повседневности и сделать **выводы** об особенностях жизненного цикла традиционной патриархальной крестьянской семьи и общины старожилов Тобольской губернии.

Ключевые слова: *русские крестьяне, Тобольская губерния, пореформенный период, традиционная семья, брачное поведение, Западная Сибирь, старожилы, крестьянский быт*

Для цитирования: Иванченко И.С. Картина крестьянского быта Тобольской губернии второй половины XIX века (на материалах личного архива Матаева Н.Н.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Том 16, № 2. С. 13-18. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-2-13-18>.

I.S. Ivanchenko

Patterns of peasant way of life in Tobolsk province in the second half of the XIXth century (on the materials of N.N. Mataev's personal archive)

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«The National Research Tomsk State University», Tomsk, the Russian Federation*

Abstract

The goal of the research is to analyze the specifics of the everyday life of old-timer peasants of Tobolsk province on the basis of information collected during ethnographic fieldwork in the Tyumen region. On the basis of the involved narrative sources, such as personal diaries, memoirs, biographies and retelling of ancestral memories of the hereditary peasant N.N. Mataev, marital behavior, child-parent relations, interaction between family members in and out of the home life have been studied, the level of child mortality and birth rate have been analyzed, and the cultural specifics of everyday life of several generations of one family have been revealed. The collected records in the form of interviews, diaries and memoirs refer to the end of the 19th century and the beginning of the 20th century, i.e. to the period of active changes and transformations in the way of life of the peasant village in Russia, which determines the relevance of the research, because a thorough study of the identity of the Siberian sub-ethnos allows us to find differences in the consequences of these transformations and understand the history of Western Siberia. The principle of historicism and the civilizational approach applied allow us to observe the stages of development of new forms of family structure and the transformation of peasant life as a result of modernization. The studied ethnographic materials allow to present more fully the picture of peasant everyday life and to draw conclusions about the specific features of the life cycle of the traditional patriarchal peasant family and the community of old residents of Tobolsk province.

Keywords: Russian peasants, Tobolsk province, post-reform period, traditional family, marriage behavior, the Western Siberia, old residents, peasant way of life

For citation: *Ivanchenko I.S. Patterns of peasant way of life in Tobolsk province in the second half of the XIXth century (on the materials of N.N. Mataev's personal archive) // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2024. Volume 16, No. 2. P. 13-18. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-2-13-18>.*

Введение. При исследовании тех или иных этнографических проблем метод изучения семейных историй является одним из самых плодотворных, поскольку личные истории, хоть и субъективны, тем не менее, помогают проследить общие тенденции и закономерности в поведении различных, не связанных между собой индивидов, особенно когда повествуемые события касаются ряда кризисных или конфликтных ситуаций, как, например, переселение за Урал в Сибирь в пореформенный период, поскольку дают общее представление о том, на какие жертвы шли

переселенцы, какие лишения испытывали и с какими именно бытовыми трудностями сталкивались в процессе переселения и освоения новых территорий.

Не меньший интерес представляют собой и семейные истории исконных поселенцев, старожилов, позволяющие охарактеризовать с большой точностью их, старожилов, семейно-бытовое устройство на основании дневниковых записей, личных воспоминаний, пересказов жизнеописаний отдельных индивидов, а множественность подобных источников позволяет избежать случайных выводов,

основанных на поверхностных единичных наблюдениях [1, с. 11].

Данное исследование основывается на материалах личного архива потомственного крестьянина Николая Николаевича Матаева 1944 года рождения, которые включают в себя фотографии, личную переписку, предметы быта, сохранившиеся документы официального и личного характера, а также интервью, в котором отражены события и сюжеты из раннего детства Н.Н. Матаева и пересказаны воспоминания предков. Полученные данные дают возможность проанализировать роли и функции всех членов семьи, изучить особенности семейной иерархии и поведения и собрать статистические данные, которые позволяют исследовать особенности крестьянского жизненного цикла традиционной крестьянской семьи.

Основная часть. Дед Н.Н. Матаева, Матаев Спиридон Яковлевич (20.12.1868–09.09.1944), был родом из деревни Шестовое Вагайского района. Когда ему исполнилось примерно десять-двенадцать лет, его отдали в работники Калистрату Пальянову, который по возвращении Спиридона из армии «сговорил» того жениться на Татьяне Ефимовне Смирновой, девице из зажиточной семьи из деревни Агалы Ярковского района, находившейся в пятидесяти километрах от деревни Шестовой. Здесь мы видим, что не был задействован традиционный институт сватовства с профессиональными сватами, а невеста была предложена потенциальному жениху третьим заинтересованным лицом.

Приехав на смотрины и познакомившись с невестой, Спиридон по неизвестной никому причине отказался от невесты, однако ему приглянулась «девчушка, выглядывавшая из чучала с большой печки». Спиридон попросил «показать ему ее», поэтому девочку сняли с печи, повели в баню, одели, причесали и представили жениху, и таким образом пятнадцатилетняя Устинья Ефимовна Смирнова стала женой двадцатидвухлетнего Матаева Спиридона.

Калистрат Пальянов поселил новую семью у себя, «на задворках поставили четырехстенную избу», а на принесенные из армии сто рублей Спиридон «купил лошадь, корову, овец, и стали жить» [2, с. 4].

В данном случае интересным фактом является то, что помолвка как необходимый промежуточный период между отрочеством и женитьбой была нарушена в нескольких аспектах: во-первых, как отмечалось выше, отсутствовали сваты и ритуал сватовства как таковой, семьи ограничились смотринами, по итогам которых невеста сразу была увезена женихом. Во-вторых, отсутствовал промежуточный период перехода от помолвки к свадьбе, то есть можно отметить нарушение серии традиционных обрядов, которое, однако же, не было расценено отрицательно и не встретило сопротивления у родителей невесты.

С учетом того, что возраст выбранной в итоге девушки тоже нарушал существовавшие на тот момент законодательные нормы, можно утверждать, что традиционные церемонии, связанные с наступлением половой зрелости, семьей также не проводились, а само замужество не было отложено до непосредственного наступления половой зрелости. То есть в данном случае мы можем определить, что брак как социальное явление и супружество как показатель социальной зрелости не совпали с состоянием зрелости физической.

Факт того, что девушку омыли в бане, «одели-причесали», тоже не указывает на цель этих действий как проведение обязательного в таком случае обряде прощания с девичеством, включавшим в себя омовение, ритуальный плач, расплетание косы и т. д., а скорее свидетельствует о необходимости представить невесту в пристойном виде, нежели произвести над ней ряд сакральных действий. Традиционный же поход в баню невесты происходил с благословления отца и матери, что касается расплетения косы, то обычно сосватанная девушка просила членов семьи расплести ей косу, и процесс этот происходил под

причитание девушек-подруг, а затем с подругами отправлялась в баню, посещение которой вместе с остальными ритуалами, такими как плачи-завывания и традиционным девичником, составляли часть традиционного свадебного обряда. Также, исходя из имеющихся данных, невозможно определить, одевание и причесывание невесты являлось частью свадебного обряда одевания невесты к венцу или было просто необходимостью, вызванной спонтанностью отказа потенциального жениха от выбранной изначально невесты.

До начала Русско-японской войны у них «уже было пять человек детей», а всего за супружескую жизнь родилось девятнадцать детей, но выжило только десять. Двоих детей Устинья Ефимовна родила «прямо в поле, когда жала серпом рожь. Сняла рубашку, завернула младенца и принесла домой».

Согласно А. ван Геннепу, во всех культурах существует последовательность обрядов беременности и родов, и «церемонии, связанные с беременностью и родами, представляют обычно единый комплекс. Вначале совершаются обряды отделения, смысл которых изолировать беременную женщину от общества в целом, от семьи и иногда даже от женского сообщества. Затем следуют собственно обряды беременности; срок беременности является промежуточным периодом. Наконец, совершаются обряды, связанные с родами, цель которых способствовать возвращению женщины в прежнее сообщество и обеспечить ей новое положение в обществе как матери». И хотя период беременности и родов был долгожданен и сакрален в традиционном крестьянском социуме, в силу того, что женщина-крестьянка активно участвовала в сельскохозяйственных работах, отвечала за дом, семью и быт, частым явлением было родоразрешение в процессе работы «где придется», а традиционное переселение беременной женщины в отдельное помещение (баню) и различные обряды-запреты, обряды

снятия табу, обряды возвращения к семье, очистительные обряды вынужденно игнорировались, а сам «сакральный момент для женщины» упущен [5, с. 45].

В семье было принято уважительное отношение к родителям, дети называли отца и мать «маменькой» и «тятенькой». Со временем подросшие дочери начали помогать по хозяйству, а сыновья работать за определенную плату у соседей. Дети росли здоровыми, мальчики отличались «недюжей силой». Постепенно хозяйство «пошло в рост», что позволило позднее собрать «небывалый урожай» и построить дом на две комнаты, горницу и прихожую, отстроить новый двор с отсеками для зерна, амбар и большой подкат. Таким образом, их усадьба стала считаться «средней» по деревне. Старший сын Михаил уже имел к тому времени «костюм тонкого черного сука, лаковые сапоги, да такие, что ни у кого в округе не было. Имел гармошку и играл на ней» [2, с. 3].

На государственных землях, где не было помещиков, крестьяне зачастую обращались к нормам обычного права. Как отмечает М.М. Громыко: «В Сибири крестьяне владели землею наследственно и фактически имели большие возможности распоряжаться ею: заложить, сдать в аренду, продать, передать. При этом верховным собственником земли оставалось государство. Община же занимала в земельных делах как бы промежуточное положение между крестьянским хозяйством и государством. Обычаи, связанные с землепользованием, были областью постоянного правового творчества народа и школой формирования правосознания, гражданской активности» [4, с. 158]. По воспоминаниям Николая Спиридоновича, в сибирских селах не было «слишком бедных», и если в деревню приходил новый человек, то «собирался сход, где выясняли, хочет ли он остаться в деревне». Если да, то всей деревней «ставили ему дом», а «земли полно: бери вали лес, обсевай, что хочешь». Бедняков было немного, «один-

два человека: или пьяница, или ленивый». Обычай мирской помощи, как отмечает М.М. Громыко, это «совершенно безвозмездные (то есть без непременно угощения) помочи общины отдельному члену ее при особенно неблагоприятных для него обстоятельствах (пожар, болезнь, вдовство, сиротство, падеж лошади) были по крестьянским этическим нормам самыми обязательными. Община, по крестьянским представлениям, просто не могла отказать в этом случае либо сама проявляла инициативу в организации такой помощи» [4, с. 84].

А.П. Городцов отмечает в своем очерке по праздникам и обрядам в Тюменском уезде, что «принимать участие в играх и забавах вечорки может только подрастающая молодежь – парни и девушки, дети же и взрослые не участвуют, но присутствовать на вечорке могут все, кому угодно: и малые и старые, насколько позволяет помещение». Семья Спиридона Яковлевича, по словам респондента, была «очень музыкальная», часто пели дома по вечерам, а хозяйка, Устинья Ефимовна, была «на всех молодежных гулянках, любила петь и танцевать». Здесь мы можем отметить некоторое расхождение с еще бытовавшей в конце XIX века строгостью по отношению к устоявшимся социальным ролям, запре-

щавшим старшему поколению активно участвовать в молодежных собраниях и гулянках [3, с. 1-65].

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что такие аспекты, как многодетность, раннее замужество, брак по договоренности, почитание родителей, уважительное отношение к старшим членам семьи, нацеленность нескольких поколений на совместное проживание в целях приращения хозяйства и его обогащения, присущие традиционным патриархальным ценностям, соседствуют с такими переменами в социальной жизни крестьян, как отсутствие соблюдения всех прежде обязательных традиционных сакральных обрядов, связанных с беременностью и родами, с замужеством, а также невыполнение комплексов церемоний, нарушение социальной иерархии и норм в угоду личному счастью, которые, впрочем, не имели социально значимых последствий, что в свою очередь свидетельствует о тенденции к упрощению крестьянского быта вследствие модернизации и отход от традиционных понятий и ценностей, а также о размывании характерных для него культурных особенностей и их универсализации по отношению к остальной части России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. – М.: Моск. ун-т, 1966. 109 с.
2. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 294-322.
3. Громыко М.М. Этнографические и фольклорные источники в исследовании общественного сознания русских крестьян Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977. С. 97-124.
4. Беседа И.С. Иванченко с потомственным крестьянином Н.Н. Матаевым 1944 г.р. от 15 июля 2023 года [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание И.С. Иванченко. Публикуется с согласия Н.Н. Матаева. 4 с.
5. Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. № 26. С. 1-65.
6. Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 448 с.
7. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
8. Миненко Н.А. Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства: (по материалам Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.) // Земледельческое

освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: трудовые традиции крестьян. Новосибирск, 1985. С. 40-53.

9. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 268-303.

10. Миненко Н.А. Фольклор в жизни западносибирской деревни XVIII в. – 60-х годов XIX в. // СЭ. 1983. № 3. С. 87-88.

REFERENCES:

1. Gromov G.G. Methodology of ethnographic expeditions. Moscow: Mosk. un-ty, 1966. 109 p.
2. Gromyko M.M. Labor traditions of Russian peasants of Siberia (XVIII – the first half of the XIX century). Novosibirsk, 1975. P. 294-322.
3. Gromyko M.M. Ethnographic and folklore sources in the study of public consciousness of Russian peasants of Siberia XVIII – the first half of the XIX century // Source study of Russian history. 1976. M., 1977. P. 97-124.
4. Conversation of I.S. Ivanchenko with hereditary peasant N.N. Mataev, born 1944, July 15, 2023 [Text of the transcript of the conversation] // Private collection of I.S. Ivanchenko. Published with the consent of N.N. Mataev. 4 p.
5. Gorodtsov P.A. Holidays and rites of the peasants of Tyumen uyezd. // Yearbook of the Tobolsk provincial museum. 1915. № 26. P. 1-65.
6. Gromyko M.M. The world of the Russian village. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1991. 448 p.
7. Gennep A. Rites of passage. Systematic study of rites / transl. from French. M.: Eastern Literature, 1999. 198 p.
8. Minenko N.A. The role of the peasant community in the organization of agricultural production: (On the materials of Western Siberia XVIII – the first half of the XIX century) // Land development of Siberia in the late XVII – early XX centuries: Labor traditions of peasants. Novosibirsk, 1985. P. 40-53.
9. Minenko N.A. Russian peasant family in Western Siberia (XVIII – the first half of the XIX century). Novosibirsk, 1979. P. 268-303.
10. Minenko N.A. Folklore in the life of the West Siberian village of the XVIII century – 60-ies of the XIX century // SE. 1983. № 3. P. 87-88.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interests

Информация об авторе

Ирина Сергеевна Иванченко, аспирант
Факультета исторических и политических наук

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск, Российская Федерация
e-mail: irinalikesjapan@mail.ru
тел: +7(950)4804009

Information about the author

Irina S. Ivanchenko, Postgraduate student
of the Faculty of Historical and Political Sciences
FSAEI HE «National Research Tomsk State University», Tomsk, the Russian Federation
e-mail: irinalikesjapan@mail.ru
tel: +7(950)4804009

Поступила в редакцию 11.05.2024

Поступила после доработки 23.05.2024

Принята к публикации 23.05.2024

Received 11.05.2024

Revised 23.05.2024

Accepted 23.05.2024